

Эмоциональная отдача зашкаливает!

По правде говоря, давление на Шу Мина было колоссальным. Почти вся съёмочная группа затаила дыхание в ожидании результатов его обучения.

Ради того чтобы расширить его роль и добавить новые сцены, пришлось перекраивать рабочие графики десятков людей. Когда ожидания сотен сотрудников ложатся на плечи одного подростка, они перестают быть просто надеждой — они превращаются в тяжкий, давящий груз.

При этом Шу Мин был из тех детей, что всегда пекутся о чувствах окружающих. Чжэн Ивэй всерьёз опасался, что парень не выдержит перегрузки и психологически сломается.

Режиссёр Чжэн по натуре был человеком увлекающимся, склонным к фантазиям, и в его голове одна за другой рождались пугающие картины. Больше всего он боялся, что Шу Мин, этот прилежный ученик, вместо блестящего результата выдаст лишь «проходной». Боялся, что юноша, стараясь не доставлять лишних хлопот коллегам и не задерживать съёмки, поспешит и согласится на посредственное исполнение.

А когда мелкие недочёты наслаиваются друг на друга, они разрастаются, словно снежный ком, способный в итоге похоронить саму репутацию проекта как «шедевра».

В своих самых мрачных раздумьях режиссёр заходил ещё дальше: он представлял, как в этой механической рутине бесконечных уроков и дублей мальчишка окончательно растеряет свою природную искру. Одно это предположение приводило Чжэн Ивэя в ужас.

Он никак не мог совладать со своими мыслями, прокручивая их снова и снова. Эти думы преследовали его в перерывах между сценами и не давали уснуть в отеле. Но завести прямой разговор с Шу Мином он не решался. Чжэн Ивэй и сам с детства побаивался вызовов «на ковёр», а потому, судя по себе, страшился, что подобная беседа лишь усилит психологическое давление на ребёнка.

От этих терзаний режиссёр едва не начал лысеть, а две ночи подряд его и вовсе мучили кошмары. Даже человек из стали не выдержал бы такого накала.

В конце концов, в один из перерывов Чжэн Ивэй решил обсудить свои опасения с Ли Юань. Как актриса, у которой было больше всего совместных сцен с Шу Мином, она недавно взяла на себя роль его наставницы. Они проводили вместе много времени, и Ли Юань лучше всех знала, в каком состоянии сейчас находится её подопечный.

Режиссёр, втайне оробев, решил зайти издали: если уж он не смеет говорить с самим Шу Мином, то почему бы не расспросить о нём окольными путями?

К слову, миссия по обучению новичка легла на плечи Ли Юань во многом по её собственной воле. Редко встретишь молодого коллегу, который вызывал бы такую мгновенную симпатию, — почему бы не протянуть ему руку помощи? Будь на её месте кто-то другой с таким же статусом в индустрии, даже просьба режиссёра могла остаться без ответа: Ли Юань имела полное право перепоручить это кому угодно.

— Мне кажется, твои тревоги излишни. У этого мальчика на всё есть своё мнение, — ответила Ли Юань, выслушав режиссёра.

Её слова стали для Чжэн Ивэя полной неожиданностью. Оказалось, что, несмотря на наложение стрессовых факторов, Шу Мин ухитрялся сохранять собственный ритм.

— Пару дней назад он сам решил, что одна из сцен прописана недостаточно тонко, и попросил меня ещё раз разобрать детали.

Тот разговор затянулся до самой ночи. И это был далеко не первый раз, когда Шу Мин задерживался допоздна.

Ли Юань считала себя закоренелым трудоголиком, но порой даже она сдавалась. Уходя в отель, она оборачивалась и видела Шу Мина: он сидел на маленькой табуретке и при свете настольной лампы усердно что-то записывал в блокнот.

В окно мягко дул ночной ветер. Та ночь была ясной и лунной.

Когда обсуждение подошло к концу, Ли Юань, собирая разбросанные бумаги, не удержалась от вопроса:

— Ты не боишься... что мы просто не успеем по срокам?

Честно говоря, она и сама не ждала от Шу Мина невозможного. Если бы он просто шёл в графике и выдавал средний результат, этого было бы уже достаточно. Но она никак не ожидала, что в такой ситуации мальчишка не только сохранит самообладание, но и найдёт в себе силы и желание без всякой суеты стремиться к совершенству.

Ей было по-настоящему любопытно, и Шу Мин дал ответ, который врезался ей в память.

В тот момент он сидел в круге тёплого жёлтого света. Длинные ресницы отбрасывали на лицо густую тень. Было видно, что даже моргает он медленнее обычного — усталость брала своё, — но глаза его сияли невероятным блеском.

Услышав её вопрос, юноша улынулся и инстинктивно произнёс фразу на языке своего народа.

То, что Шу Мин принадлежал к этническому меньшинству, не было секретом. Ли Юань догадалась, что это какое-то народное изречение. Затем, словно осознав, что собеседница его не понимает, Шу Мин обернулся и совершенно спокойно перевёл:

— «У пшеницы есть свой срок созревания, назначенный самой природой».

Шу Мин всегда мыслил просто. Раз уж обстоятельства сложились таким образом, нужно честно и старательно делать каждый шаг. Попытка ускорить рост, «вытягивая ростки из земли руками», лишь погубит общий труд.

Шу Мин не разбирался в хитроумных концепциях, он верил в простые, земные истины. И он вовсе не считал знание этих истин поводом для гордости.

Разве есть хоть один земледелец, который не знал бы этих слов?

Но жизнь порой удивительна: чем сложнее проблема и чем запутаннее ситуация, тем чаще верным решением оказывается самая бесхитростная философия. Шу Мин считал это само собой разумеющимся, полагая, что все вокруг думают так же. Однако на деле далеко не каждый способен видеть вещи так ясно и просто, как он.

Выслушав рассказ Ли Юань, Чжэн Ивэй лишился дара речи. От изумления он лишь хлопал глазами. Оказалось, что этот «щенок», обладавший лишь собственными правилами выживания, на самом деле скрывал в себе великую мудрость!

Видя, что режиссёр оцепенел, Ли Юань подвела итог:

— Успокойся. На мой взгляд, с этим ребёнком всё будет в порядке.

Получив такие гарантии, Чжэн Ивэй впервые за долгое время искренне улыбнулся. Напевая под нос какую-то фальшивую мелодию, он вернулся к мониторам. Камень свалился с души, и радости его не было предела!

«Видно, и впрямь я зря накручивал себя», — подумал он. — «Решено, сегодня за ужином съем лишнюю порцию риса!»

***

Режиссёр и вправду тревожился зря. Сяо Мин отлично чувствовал темп работы и умел правильно распределять силы. Он не только не тормозил процесс, но и заставил всех врасплох своей эффективностью.

Он учился быстрее, чем кто-либо мог предположить. Хотя, если подумать, в этом была своя

логика.

Мальчишка работал на износ, обладал феноменальной памятью и заучивал текст с пугающей скоростью. Но главное — он не просто слушал наставников, а тратил личное время на поиск дополнительных материалов, занимаясь самообразованием.

И при этом он выглядел по-настоящему счастливым! У всех были глаза, и каждый видел: парень учится с искренним удовольствием, а не ради галочки. Возможно, из-за того что в его родных краях путь к знаниям никогда не был лёгким, Шу Мин дорожил каждой возможностью узнать что-то новое.

Другие новички к концу обучения обычно ходили с кислыми минами. И только этот «щенок» с каждым днём становился всё бодрее и воодушевлённее. Он носился по лагерю как заведённый волчок, не зная усталости.

Как бы рано он ни вставал, Шу Мин всегда приветствовал окружающих, излучая энергию. Если же он всё-таки выбивался из сил, ему достаточно было погладить Тафэна по умной голове, и, довольный, он снова бежал грызть гранит науки.

На съёмочной площадке над ним подшучивали:

— Смотри, как бы он Тафэна не украл!

Любовь юноши к коню не знала границ — казалось, он готов был спать с ним в обнимку. Стоило Шу Мину раздобыть какое-нибудь лакомство, как он первым делом бежал угощать четвероногого друга. Даже Бай Му, чей ушиб ноги наконец зажил, не удостоивался такого внимания во время своих визитов.

Если говорить прямо, Бай Му порой даже ревновал к Тафэну. Чем же этот маленький конь заслужил столь явное и беззастенчивое предпочтение? Однажды, когда рядом никого не было, Бай Му даже пробормотал, глядя на коня:

— Ну скажи, что в тебе такого особенного?

Бог весть, у кого он это спрашивал — у лошади или у самого себя. Шу Мин всегда любил открыто, щедро и пылко: если уж он прикипел к Тафэну, то об этом знал весь мир. Сам Тафэн, на редкость сообразительный конь, каждый день гордо задирает голову, принимая знаки обожания.

Глядя на них, нельзя было не позавидовать Тафэну. Коллеги по группе постоянно подтрунивали над Шу Мином, используя тему его привязанности.

А что Шу Мин? Услышав очередную шутку, он не обижался, а лишь согласно поддакивал:

— Точно! Завтра ночью... нет, сегодня! Сегодня же ночью я его уведу.

Сложив ладони в умоляющем жесте, парень с совершенно серьёзным видом добавлял:

— Пожалуйста, помогите мне сохранить это в тайне! Только не говорите дяде Бай!

Мальчишка был таким забавным, что окружающие охотно подыгрывали ему, взрываясь добрым смехом.

Шутки шутками, но учить Шу Мина было одно удовольствие. Его природные способности в сочетании с неиссякаемым оптимизмом притягивали людей. В итоге почти каждый в группе был готов стать его наставником — ведь видеть такой прогресс было огромной наградой для учителя.

Шу Мин не докучал пустыми расспросами. Он почти не задавал тех глупых, элементарных вопросов, которые обычно раздражают профи. Отчасти помогала база, заложенная за две недели рядом с Чжэн Ивэем, отчасти — его собственное нежелание беспокоить других по пустякам. Если ответ можно было найти в справочнике, он искал его сам.

Как говорил сам Шу Мин: «Время каждого драгоценно, зачем тратить его на пустую болтовню?»

«То, что люди готовы меня учить — это уже сверх их прямых обязанностей», — прекрасно понимал он. Чужая доброта для него не была чем-то должным; это был ресурс, такой же редкий и ценный, как чистая вода в степи.

Впрочем, не стоит думать, что Шу Мин боялся спрашивать. Напротив, он не только не стеснялся, но и смотрел на вещи под таким углом, что его вопросы часто становились откровением для опытных мастеров. Его свежий взгляд заставлял их самих по-новому смотреть на привычную работу.

В этом и заключалась прелесть «свежей крови». Атмосфера в коллективе стала просто чудесной, и работа спорилась как никогда.

Дело дошло до того, что режиссёр Чжэн от счастья сиял так, что морщинки на его лице разбегались лучами, словно лепестки расцветшей хризантемы. Даже смотреть на это было боязно!

В конце концов, кто не любит вкус успеха и прогресса? Коллеги тянулись к Шу Мину ещё и потому, что каждый день с ним приносил новые идеи. Им не приходилось скучать, в сотый раз разжёвывая одно и то же.

Но важнее всего было другое: стоило дать ему даже мимолётный совет, как на следующий день

парень демонстрировал результат, превосходящий ожидания. А когда всё это сопровождается восторженным, сияющим взглядом «щенка», эмоциональная отдача просто зашкаливает! Кто бы смог устоять?

Во всей группе не нашлось ни одного человека, который удержался бы от искушения подойти и как-нибудь подбодрить его или пошутить.

Так, впитав в себя лучшее от десятков мастеров, Шу Сяомин закономерно получил всеобщее признание в самую прекрасную пору золотой осени. Пришло время начинать полноценные репетиции!

Однако перед Шу Мином внезапно возникла другая, крайне неприятная проблема...

Слухи в сети о его «исчезновении» начали разрастаться с пугающей силой.

<http://bllate.org/book/16119/1587924>